

Проза

Варюшка: былль

Бабушка заболела. Сразу пусто и неуютно стало без её постоянной заботливой суеты. Маленькая Варюшка каждое утро подходила к её кровати и тихонько спрашивала: «Бабушка, ты сегодня выздоровеешь?» Бабушка гладила её белокурую головёнку и так же тихонько отвечала: «Не, Варюшка, сегодня ещё нет»

Однажды в детсадик за Варюшкой пришла не мама, а её знакомая тётя Оля и повела её не домой, а к какой-то старушке.

«Вот, мама, - сказала она, - пусть пока у вас побудет». Старушка понимающе покивала головой: «Понятно, рано ребёнку такое видеть». «Пойдём милая, - наклонилась она к Варюшке, - я тебе молочка с булочкой дам».

Так и прожила Варюшка у бабы Даши несколько дней. Оказалось, что баба Даша знает много сказок, а Варюшка так любила сказки и всегда радовалась, когда её бабушка находила время рассказать их ей. Мама никогда никаких сказок не рассказывала. А потом тётя Оля увела Варюшку домой, и баба Даша поцеловала её на прощание. Когда Варюшка вернулась домой, она увидела, что на месте бабушкиной кровати теперь стоит шифоньер, а кровати нет. И бабушки не было. Варюшка бросилась к маме: «А где бабушка? Она выздоровела?»

Мама как-то странно ответила: «Да уж навсегда выздоровела. На кладбище теперь бабушка». Варюшка никак не могла понять, почему бабушка -зачотела уйти на какое-то кладбище, которого девочка никогда не видела, но подумала, что если уж она решила так, то тут ничего не поделаешь. Но увидеть её хотелось очень. «А мы пойдём к бабушке?» - спросила Варюшка. «Да

сходим», - ответила мама, и Варюшка стала ждать этого дня.

Наконец мама сказала: «Ну завтра пойдём к бабушке» А утром Варюшка увидела на ящике в прихожей бабушкин серый платок. Он был старенький, заштопанный, но бабушка носила его. «Забыла свой платок? - подумала девочка. - как же она без него? Ведь ей всегда холодно. Надо отнести его бабушке». Но сказать об этом маме Варюшка побоялась: та только что поссорилась с соседкой, и Варюшка по горькому опыту знала, что лучше её сейчас не трогать. Мама принесла букет цветов, положила его в корзиночку, которую дала нести Варюшке, сама взяла лопаточку и старый веник. И тут девочка догадалась, как отнести бабушке её платок — надо свернуть его в комочек и засунуть под букет в корзиночку. Так она и сделала, и была очень довольна. Пошла с ними и тётя Оля. Когда они пришли в какой-то огромный сад, где всюду стояли высокие столбики, окружённые решётками, мама с тётей Олей подошли к холмику земли, засыпанному уже завядшими цветами.

- Вот здесь наша бабушка, - сказала мама, убирая их с холмика, а Варюшка оглядывалась во все стороны: где же бабушка? Почему они не идут к ней?

Вообще-то Варюшке здесь понравилось — столько зелёных деревьев, вкзде красивые цветы. «Видно бабушке здесь хорошо», - подумала она и робко ступила на дорожку, которая повернула в сторону, и вдруг... увидела бабушку. Она сидела на скамеечке, худенькая, маленькая. «Бабушка!» - радостно позвала Варюшка. Старушка подняла голову. Какая-то не такая бабушка стала, но малышка уже не могла за это время время ясно припомнить её лицо, а вот глаза были такие же ласковые и добрые. Да ведь бабушка теперь живёт здесь, значит, это она и есть. Только вот одета она почему-то в старую, изношенную кофточку, и на голове её полинявшая, жалкая косынка. «Бабушка, - уже осмелев, подошла к ней Варюшка, - на скорей твой платок, оденься, тебе холодно». И Варюшка, достав припрятанный платок, стала укутывать им старушку. «Деточка, милая, да что ты, - взволновалась та, - спасибо тебе, золотая, что пожалела, только не возьми я, нет, нет, не надо...»

И в это время, как вихрь, на них налетели мама и тётя Оля. «Ах ты бессовестная, - кричала мама на старушку, - у ребёнка платок отняла!» «А ты, - набросилась она на Варюшку, - ты зачем платок сюда притащила?» Мама была страшная. Она кричала визгливым голосом, а глаза у неё были такие злые, что Варюшке показалось, что это и не мама вовсе, а ведьма из сказки, которую ей рассказывала баба Даша. Схватив платок, не слушая растерянную, плачущую старушку, мама продолжала кричать. И вот тут Варюшка отчаянно не то зарыдала, не то закричала. Горькая обида, пугающее непонимание всего происходящего, жгучая жалость к несчастной старушке и ещё неосознанный страх перед людской злобой и жадностью целиком овладели её маленьким испуганным сердечком. Упав на траву, она билась в плаче и твердила:

- Хочу к бабушке! Не пойду домой! Я с бабушкой буду!

И слёзы её были совсем не детскими.

Две копейки

Артёмка стремительно распахнул дверь в кухню и с порога закричал:

- Мама! Дай две копейки... там дядя умирает!

Ксения перестала мыть посуду, бабушка опустила на колени своё вязание, и обе недоумённо смотрели на Артёмку:

- Какой дядя умирает? Где? - встревоженно спросила Ксения.

- А две копейки ему зачем? - подозрительно добавила бабушка. - Что-то ты путаешь.

- Да не ему, - выкрикнул Артёмка, - позвонить надо в «скорую», в автомат две копейки надо.

Ксения, нахмурясь, вытерла мокрые руки и подошла к окну.

- Расскажи всё толком, - резко сказала она.

- Да я шёл, - торопясь, начал Артёмка, - вижу, дядя на снегу лежит...

- Пьяный, неверное, - снова берясь за вязание, равнодушно сказала бабушка.

- А вот и не пьяный, - вспыхнул Артёмка, - я ему помог на скамейку сесть, от него и не пахло, а потом он привалился к забору и как застыл весь...

- Что-что? - испугалась Ксения. - На какую скамейку? Уж не на нашу ли?

- Да нет, - волнуясь, продолжал Артёмка, - в конце переулка я его нашёл, там стена такая длинная... и скамейка рядом.

Ксения облегчённо вздохнула:

- Ну и ладно! Это от нас далеко... и пустырь там. А то ведь, если что, ещё следствие начнётся, хоть бы от нас подальше.

- Да, может, и отравленный какой, - взволновалась бабушка, - или пораненный чем, понятно, всех допрашивать будут, пойдешь тогда доказывай, ведь из-за Жорки всё на нас валить можно, - она тяжело вздохнула.

- А ты, - Ксения строго взглянула на Артёмку, - со двора никуда! Ещё на беду наведёшь! Делаешь вон в сарае свой самолёт и делай, а на улицу ни ногой!

У Артёмки сжалось сердце.

- А в «скорую»? - растерянно ронял он. - ведь переулок наш глухой, никто, может, и не подойдёт, а дядя больной, замёрзнет.

Всё это Артёмка говорил уже сквозь слёзы, но Ксения ничего не хотела слушать.

- Дома сиди, я что сказала! - зло отрезала она.

- Правильно, правильно, дочка, - поддакнула бабушка, - нам-то уж с милицией связываться никак невозможно.

Артёмке нетрудно было догадаться о причине такой «невозможности». Бабушкин сын Жорка — завзятый хулиган и любитель выпить, ещё как вернулся из заключения, был на подозрении у милиции.

Ксения накинула пальто, платок и вышла во двор. Артёмка угрюмо поплёлся за ней.

- Вот, - сказала Ксения, запирая на ключ калитку, - так-то вернее будет. А ты иди, кончай свой самолёт, в школу понесёшь, все ахнут — какой он у тебя будет, - и она ушла в дом.

Артёмку её слова не только не утешили, а даже оскорбили — вот как, значит, он будет модель самолёта делать, чтобы его похвалили, а в это время там, на морозе, умрёт человек, и Артёмка целиком брал вину за это на себя. Вот если бы отец был дома, он бы понял, помог... Но отец-шофёр в отъезде, и Артёмке надо было самому решать, что делать. И он решил. Пройдя мимо окошка кухни к сараю, он нарочно хлопнул погромче его дверь, а сам, крадучись, подобрался к углу забора, ухватил длинную доску, подставил её наклонно кверху и полез по ней. С другой стороны забора был высокий, мягкий сугроб, и Артёмка благополучно перевалился в него. А дальше — бегом к скамейке, где лежал человек. Глаза его были закрыты.

- Ой, неужели умер? - замирая от неизвестного ему раньше горячего чувства жалости, желая помочь, спасти, чуть не закричал Артёмка. Звонить в «скорую» скорее! Но... двух копеек не было. Артёмка, конечно, не знал, что в «скорую помощь» можно звонить и без них. И вдруг в начале переулка показался какой-то парень. Артёмка кинулся к нему навстречу:

- Дядя, дайте две копейки, я в «скорую» позвоню!

Ох, как он боялся, что парень засмеётся и пройдёт мимо. Но нет, парень остановился, внимательно выслушал Артёмку, а потом быстро пошёл к скамейке.

- Вот что, пацан, ты растирай ему руки, а я сам в «скорую» позвоню.

И направился к автомату. И всё пошло быстро и хорошо. Артёмка усердно растирал холодные руки человека и, когда тот медленно открыл глаза, радостно вскрикнул:

- Дядя, а ведь вы живой, правда, живой!

Но тут подъехала машина «скорой помощи», старик врач в бкллом халате наклонился над человеком, подержал его руку и одобрительно посмотрел на парня, стоящего рядом:

- Ну, молодец, как раз вовремя поспел!

- Нет, - сказал парень, - всё вот этот мальчонка сделал, не оставил человека без помощи.

- Дедушка, - робко взглянул на врача Артёмка, - а он теперь не умрёт?

- Нет, мальчик, теперь мы его отвоюем, будет жить обязательно, - ласково ответил врач.

Когда машина умчалась, увозя больного, Артёмка вернулся к своему забору, но оказалось, что назад лезть труднее, он несколько раз срывался с сугроба, ободрал руки, но всё-таки незаметно вернулся в сарайчик, где тщательно отряхнул от снега своё пальтишко. Он был счастлив. Как хорошо всё кончилось!

Уже давно наступил вечер. Крепкий мороз разрисовал кружевными узорами окно, к которому то и дело подходила бабушка, чутко прислушиваясь, не заскрипят ли за ним шаги Жорика.

- Шутка ли сказать, с самого утра ушёл, и всё нет.

Ксения, как только Артёмка вернулся, ушла к соседке, о происшедшем не было сказано ни слова.

Артёмка ничем не выдал себя, а теперь, разложив на столе тетради и учебники, он принялся за уроки. Бабушка волновалась всё больше и больше.

- Ведь мороз-то какой! - бормотала она. - Ещё замёрзнет где, пьяный, небось дружки-то напоили.

Наконец она подошла к Артёмке.

- Ты бы сбежал к телефону, Фёдке позвонил бы, у него в квартире телефон есть, он-то, небось, знает, вместе ведь они всегда. Вот тебе гривенник по две копейки, может, сразу-то не дозвонишься.

Артёмка недетским взглядом окинул бабушку.

Добрая песенка

Туманные осенние сумерки давно нависли над окном. В комнате стемнело. Клавдия Степановна укрылась тёплым платком и приникла к спинке кресла, за которым уже стояло грустное вечернее одиночество. Где-то в дальнем городе её сын с семьёй, но никто не вспомнит о ней в этот вечер поздней осени. Зазвонил телефон. «Я слушаю». Сначала молчание, а потом тихий голосок маленькой девочки робко спросил: «Тётя, Вы на меня не сердитесь?» - «За что? - удивилась Клавдия Степановна. - Кто тебе нужен?»

Опять секунды молчания и неожиданный ответ: «Наверное, Вы» - «Зачем? И как же ты мой телефон узнала?» Голосок стал смелее: «Я вижу, когда мама звонит, она сначала накручивает кружок с двойкой, и я заметила, сколько она всего кружков накручивает, вот и я так сделала. А зовут меня Туся, я хожу в 21-й садик».

«А причём же я?» - продолжала недоумевать Клавдия Степановна. «Я сначала тоже покрутила двойку, а потом стала крутить, куда придётся». И вдруг голосок девочки стал таким жалобным и умоляющим, что у Клавдии Степановны защемило сердце:

-Тётя, пожалуйста, поговорите со мной... о чём-нибудь, только поговорите.

-Туся, - осторожно спросила Клавдия Степановна, - расскажи мне, почему ты решила позвонить куда-нибудь и почему тебе надо поговорить с кем-то?

Голосок заговорил быстро, взволнованно:

-Я так боюсь, когда темно. Я тогда вижу что-то страшное. Мама с папой ушли в гости к тёте Лизе, придут поздно, а я одна, и вокруг темно. А когда со мной кто-то говорит, мне кажется, что я не одна, и я так не боюсь.

- А ночника у вас нет? - спросила Клавдия Степановна, ей было тревожно за Тусю.

- Ночника нет, а большую лампу мама не велела включать, говорит, много нагорит. Она сказала: раз стало темно — ложись и спи. А я не могу, - в голосе девочки слышались слёзы.

-Туся! - решительно сказала Клавдия Степановна. - Давай договоримся: когда тебе будет страшно, ты звони только мне, номер телефона можешь записать? Ну вот и хорошо, умница. А теперь я научу тебя одной песенке, ты укройся и напевай её, и страхи отойдут, эта песенка добрая и всё злое прогоняет. Слушай:

К Тусе гномики пришли,

Сон с собою принесли.

А ещё четыре гнома

Караулят возле дома,

Чтобы никакое зло

К Тусе ночью не пришло.

Значит, надо крепко спать,

А гномы лягут под кровать.

- Ну как, запомнишь?

В ответ Туся легко, почти без ошибки, спела песенку.

- А теперь я не боюсь, спасибо Вам, тётя...

- Клава, - подсказала Клавдия Степановна.

Как радостно звенел голосок Туси:

- Тётя Клава, Вы лучше всех на свете, Вы самая добрая.

- Спокойной ночи, Тусенька, - улыбнулась Клавдия Степановна.

Телефон смолк. А Клавдия Степановна всё так же сидела в кресле, тихонько напевая добрую песенку, которую когда-то пела ей мать.

Зойка

Зойка влюбилась в Альберта молниеносно. Когда на дне рождения подружки Лёльки Зойка увидела его — высокого, стройного, черноглазого, с лениво-снисходительной

улыбкой, она чуть ли не вслух ахнула и уже не отрывала восторженного взгляда от этого красавца. Конечно, Альберт заметил это, ещё более снисходительно усмехнулся и, подойдя к замершей от радости Зойке, пригласил её на танец. Альберт танцевал как мастер балета, а Зойка топталась рядом с ним довольно неуклюже и всё-таки чувствовала себя на седьмом небе от счастья.

Этот вечер был решающим в 15-летней Зойкиной жизни. Альберт прочно вошёл в её горячее встревоженное сердечко, и даже, что он говорил и делал, казалось Зойке непреложным и правильным.

Однажды Зойка, затаив дыхание, подслушала, как Альберт проповедовал Лёлькиным братьям старшеклассникам Антошке и Глебу о том, какой должна быть интересная девушка. Оказалось, что косметика — необходимая принадлежность такой девушки, она делает её влекущей и загадочной. А загадочность — это главное, поэтому совсем не обязательно, чтобы девушка рассуждала, спорила, мыслила, это всё неважно, пусть говорят о пустяках, но так, чтобы в этом было что-то манящее. Альберт так протянул это «ма-а-нящее», что Зойка была совершенно озадачена. Ну косметика — это ладно, можно стащить у старшей сестры, о пустяках болтать тоже нетрудно, а вот как стать ма-а-нящей, этого Зойка себе даже и не представляла. Но всё-таки храбро решила, что и этому научится.

Конечно, Зойке было страшно даже подумать, как мама отнеслась бы к её намазанной мордочке, если бы увидела, поэтому были приняты все меры предосторожности. Стянутая из столика сестры запасная коробочка с косметикой была заранее запрятана в кладовке, а потом вместе с маленьким зеркальцем переправлена в кармашек.

- Можно я к Лёле пойду? - чинно подошла Зойка к маме. Мама разговаривала с кем-то по телефону и только махнула рукой. Всё также чинно Зойка вышла за дверь, но по двору уже бежала, бережно придерживая свой кармашек.

Предусмотрительно отойдя подальше от дома, присев на корточки за каким-то заброшенным киоском, Зойка начала неумело размазывать по своему свежему личику румяна, тушь, губную помаду. В зеркальце она смотрелась с некоторым сомнением, не совсем ей нравилось то, что получилось, но... кто-же его знает? Может быть, как раз так и надо для... Зойка вдруг позабыла самое главное слово и усиленно начала вспоминать.

- Ах, да! - манящая! Ну вот, наверное, она такая и есть, - решила Зойка, запрятывая похищенные «драгоценности», - а уж о пустяках-то говорить я сумею! Зойка тут же встала в позу, по её мнению, очень красивую и, хихикая, начала трещать своим звонким голоском: «Ах, какая чудесная погода, прямо как в Италии!»

Но всё вышло совсем по-другому, и не суждено было Зойке поразить всех своими познаниями о погоде в Италии. Когда она вошла во двор Лёлькиного дома, то увидела такое, что перевернуло в ней всё, и с этой минуты уже не стало влюблённой, покорной своему кумиру Зойки, не нужны уже были ей украденная косметика и желанная загадочность.

Стоя посреди двора перед Антошкой и Глебом, красавец Альберт, представляя артиста-фокусника, жонглировал маленьким несчастным котёнком. Он высоко поднимал над головой перепуганного крошечного зверька, перебрасывал его в воздухе, ловил, снова бросал и хохотал под отчаянное мяуканье уже задыхающегося котёнка.

- А сейчас я его через тот дом перекину! - громогласно заявил Альберт. Но в этот момент кто-то набросился на него и, повиснув на руке, принялся изо всех силёнок колотить по спине.

- Отдай! Отдай сейчас же! - на весь двор кричала Зойка.

Да, это была прежняя славная девчонка Зойка, всегда отважно вступающая за всех слабых, обиженных, несчастных. Это была та Зойка, которая когда-то, кинувшись защищать плачущего малыша от издевающегося над ним мальчишки, потом гордо ходила с синяками, но малыша-то ведь отстояла! А сейчас... Ловко подпрыгнув, Зойка схватила котёнка, и, когда увидела совсем детский страх и боль в его жалких глазках, у неё дыхание перехватило от жалости и возмущения.

- Это что такое? - зло крикнул Альберт. Он хотел поймать Зойку за воротник,

оттолкнуть её, но она пружинисто скользнула в сторону, прижимая к себе котёнка.

И сколько презрения и непримиримости было в её больших голубых глазах, в ломком звенящем голосе, когда она, пробегая с котёнком к калитке, крикнула ,Альберту:

- Эх, ты — манящий...

Лидушка

Вот всё и приготовлено. На кухонном столе аккуратно расставлены: мука, сметана, яйца. Не забыть о сахаре. Для восьмилетней Лидушки хлопоты большие, но очень приятные. Она раздумывалась, синие глаза сияют от радости. Стоя у телефона, она обдумывает, сказать ли маме сейчас, что встретив её с работы, Лидушка угостит её любимым пирожком, или сделать ей сюрприз, неожиданно подав его на красивой тарелке? Решение приходит незамедлительно: конечно, надо позвонить маме, ведь радовать чем скорей, тем лучше: если мама будет знать, что её дома ждёт вкусный пирожок, заботливо приготовленный для неё дочкой, наверное, ей и радоваться будет легче. Лидушка, осторожно водя пальчиком, набирает цифры на диске телефона.

- Я слушаю, - раздаётся в трубке мамин голос.

Лидушку переполняет радость, как она сейчас особенно любит маму!

Захлёбываясь от восторга, кричит она в трубку:

- Мама! Я тебе пирожок испеку, твой любимый, с яблоками, я уже всё приготовила!

- Что такое? - встревоженно и совсем неласково несётся с другого конца провода. - Это ещё что за игрушки? Какие ты пироги придумала?

- Мама... я тебе хотела... - беспомощно пытается что-то объяснить Лидушка, широко раскрытыми глазёнками оглядывая стол.

Как странно — только что всё расставленное на нём выглядело так весело и дружелюбно, а теперь всё это будто смеётся над ней под резкий голос мамы.

- Никаких пирогов! Вырасти сначала, а тогда пироги пеки.

В трубке послышались короткие гудки. Лидушка стояла у телефона, опустив голову, потом, тихонько всхлипывая, принялась убирать в шкаф такие ненужные теперь припасы. У двери позвонили. Вбежали соседские девчонки: Юлька и Лена.

- Лидка! Пойдём свадьбу смотреть! Там жениха и невесту ждут. Народища собралось! - И Юлька развела руки, чтобы показать, сколько народа собралось во дворе.

- Пойдём скорей! - закричала Лена.

Лидушка грустно оглядела пустой стол, потом кивнула головой.

- Пошли! - и выбежала за дверь.

А в бухгалтерии, где работала Валентина — Лидушкина мама, разгорелся спор.

- Надо же, - негодуя сказала Валентина, положив трубку телефона, - пирог мне испечь задумала, наверняка, пожар бы устроила.

Счетовод Зинаида Николаевна долгим взглядом посмотрела на Валентину:

- Напрасно ты так с дочкой говорила.

А что же, по головке её гладить? Или пожар позволить ей устроить?

- Нет, - тихо ответила Зинаида Николаевна, - пожар устраивать не надо, а по головке я ещё как погладила бы, если бы моя Света так для меня постаралась бы!...

- Да, - вмешалась в разговор другая сотрудница, Вера Васильевна, - конечно, тебе надо было ласково объяснить дочке, что она ещё мала, что пирожок вы вместе испечёте, а сейчас спасибо сказала бы ей за заботу.

- Вот ещё! - фыркнула Валентина, - не хватает ещё, чтобы я подлаживалась, как с этой шпингалеткой говорить! Нельзя — вот и всё тут!

Придя домой и обнаружив, что она забыла, уходя на работу, взять ключ от двери, Валентина долго звонила, но безуспешно — Лидушки не было дома. Пришлось усталой и

проголодавшейся искать её. Нашлась Лидушка не скоро.

- Куда же ты так запропастилась? - кричала на неё Валентина. - Ведь видишь, ой висит на гвоздике, значит, надо дома меня ждать, могла подумать о матери.

Лидушка исподлобья взглянула на маму:

- Я ещё не выросла о тебе думать! - отчеканила она. - Я лучше к девчонкам играть пойду. - И она опять убежала во двор.

Отцы

I.

Ранним пасмурным утром Анна прибежала в сельскую больницу. Она с трудом раздела Ванюшку, сжавшегося в жалкий, беспомощный комочек.

Врач Пётр Андреевич, хмурия седые брови, осмотрел ребёнка, осуждающе взглянул на Анну и безоговорочно определил: в город везти надо, так мальчонка перепуган. Что же это вы с ним наделали, родители?..

Когда Павел приходил домой пьяный, она старалась спрятать шестилетнего Ванюшку. И в эту ночь, только дверь дрогнула от кулаков мужа, Анна, прежде чем открыть, заглянула в другую комнату, где крепко спал мальчик, и с головой укрыла его плотным одеялом. Что делал хмельной, не помнящий себя Павел в эту страшную ночь? Что-то выкрикивал, кому-то грозил. Потом вспомнил, что завтра выходной день и он пойдёт на охоту. Ему понадобилось сейчас же проверить ружьё, он вытащил его, нетвёрдыми руками схватился за ствол. В это время у двери метнулась крошечная фигурка... Грохот нечаянного выстрела... Страшный крик Ванюшки... А потом ребёнок молчал. Молчал, и ничем мать не могла унять его дрожь.

... Тихо в белой больничной палате. На крайней койке лежит Ваня. Много дней ласковые, заботливые люди в белых халатах старались вернуть ему радость жизни.

Над Ваней склонилась мать. Вытирая слёзы, она шепчет:

- Сыночек, взгляни на отца, он пришёл к тебе прощения просить.

Ваня лежит неподвижно, повернувшись к стене, закрыв голову подушкой, но он слышит, как отец начинает говорить сдавленно, глухо:

- Сынок, послушай! Вот здесь, на коленях перед тобой, зарок даю: никогда ты меня таким, как я был, больше не увидишь... Всюду с тобой вместе будем, увидишь ты, какой я отец у тебя. Только, прости... сынок, прости! Ваня медленно повернул к отцу голову, прямо в запавшие, налитые тоской глаза отца взглянули светлые, чистые глаза ребёнка.

- Ладно, папка, не плачь, - тихо сказал он, - приду домой, мы с тобой в лес за шишками пойдём, я тебе покажу, где белка прячется.

II.

Солнце клонится к закату, но воздух тёплый, пахнет цветами и свежей травой. Четырёхлетний Лёша наигрался со своим весёлым дружком Тузиком и теперь уселся на крылечке, следя уже утомлёнными глазёнками за большим жуком, с гудением пролетающим мимо.

- Лёшенька, - слышен звонкий голос мамы, - ты никуда не убегай, сейчас папа с поля приедет, ужинать будем. Лёша сразу вскочил, голубые глаза его оживлённо заблестели, он заулыбался и побежал к оставленному среди двора самодельному игрушечному трактору. Его для Лёши смастерил отец, приговаривая при этом:

- Как же можно, чтобы у сына тракториста не было трактора? Вот тебе, Лёшка, играй да готовься вместе с отцом когда-нибудь в поле выехать. Помни: мы — трактористы!

Лёша знает: отец войдёт в комнату весь запыленный, обветренный, весёлый и ласковый. Он сразу пойдёт умываться, а мама, подавая ему полотенце, будет рассказывать обо всём, что было у них на ферме. Как отец работал сегодня, он расскажет за ужином.

Лёше отчаянно хочется хоть немножко, хоть самую чуточку быть похожим на отца.

Он хватает игрушечный трактор и начинает катать его по двору.

- Это грядка будет, - шепчет он про себя, я её мамке приготовлю.

При этом он изо всех сил старается как можно больше перемазаться, чтобы быть похожим на настоящего тракториста. Это ему удаётся, и мама только руками всплёскивает, увидев чумазую мордашку сына, важно шагающего рядом с отцом.

Ошибка

Коля! Сейчас же иди домой! - резко крикнула Анна в открытую форточку. Стоявшие во дворе два мальчика молча переглянулись, и один из них, смуглый, худенький, в поношенной, небрежно заплатанной куртке, медленно пошёл к выходу со двора, а другой — светловолосый, хорошо одетый, тоже медленно, нахмурясь, пошёл к подъезду дома.

Как только он вошёл в комнату, Анна напустилась на него с упрёком:

Это, наконец, невыносимо! Сколько раз повторять тебе: отстань ты от этого Коля взглянул на мать:

- Нет, мама, он хороший, он самый лучший друг.

Анна всплеснула руками:

- Нашёл друга! Говорила же я тебе, что в такой семье, как у него, не может он расти порядочным мальчиком. Отец его в тюрьме сидел за хулиганство и теперь пьёт, дебоширит, мать тоже от бутылки не откажется. А ведь яблочко от яблони недалеко падает.

- Мама! - горячо воскликнул Коля. - Да ведь он же сам от таких родителей мучается, стыдится них. А что он может сделать?

- Да зачем он тебе? - возмущалась Анна.

- Вот Олег дружить с тобой хочет, у него семья, так семья! А мать у него какая

- умная, образованная, добрая...

- А вот и нет, - воскликнул Коля, - мать у Олега совсем не добрая, у неё... - он искал подходящее слово, - у неё каменное сердце.

- А ты это откуда знаешь? - удивилась Анна.

- Мне Данька рассказал, как он шёл неподалеку от неё, они ведь в одном доме живут. Она шла впереди, и прямо перед ней в сугробе замерзал маленький котёнок, а мороз сильный был и вьюга, котёнка снегом засыпало, он так пищал. А она прошла мимо, даже внимания не обратила. А Данька подбежал, взял котёнка, снег с него встряхнул, в свой шарф закутал и домой принёс, стал его отогревать, кормить. А его родители, какие ни есть, а котёнка гне выбросили, пожалели. Он и сейчас у Даньки живёт.

- Ну тебя не переговоришь, - махнула рукой Анна. - Обедать пора.

Но вот Коля заболел. Он горел в жару, бредил. Врач прописал лекарство, надо было срочно дать его Коле, и Анна металась, не зная, что делать: муж в отъезде, и некому пойти в аптеку, заказать лекарство, соседей, к которым она могла обратиться, не было дома. Анну охватило отчаяние. Она вышла на лестничную площадку, поднялась наверх, сама не зная, куда идти, и вдруг... Сверху по лестнице сбегает Олег. Анна, облегчённо вздохнув, кинулась к нему:

- Олег, Коля очень болен, надо ему поскорее лекарство дать, а я одна, муж уехал. Пожалуйста, сходи в аптеку, закажи и возьми для Коли лекарство.

Олег покачал головой:

- Вы простите, Анн Николаевна, но никак не могу. У товарища день рождения, меня ждут, а я и так задержался, к знакомым заходил.

И Олег поспешно стал спускаться по лестнице, к выходу. Вытирая слёзы, Анна пошла домой. Но что это? Возле двери её квартиры стоял... Данька. Он смущённо сказал:

- Анна Николаевна, я слышал в школе, что Коля очень заболел. Может, что надо? Вы скажите, я сделаю.

И тут Анна не удержала слёз. Она обняла Даньку, а тот в первый раз поднял на Анну глаза. Какие же они были грустные!

- Мальчик ты мой, спасибо тебе. Вот рецепт и деньги, сходи в аптеку.

Данька светло улыбнулся:

Я мигом, вы не волнуйтесь, Анна Николаевна, принесу лекарство, Коле сразу лучше станет.

И он побежал вниз, а Анна торопливо открыла дверь, бросилась к Коле. Он как будто задремал.

«Боже мой! - думала Анна, - вот как можно ошибиться! А я.. как я восставала против этого несчастного мальчика, ничто его не испортит, всё спасёт доброта».

И вдруг её вспомнились слова Коли: «А его родители, какие ни есть, а котёнка не выбросили, пожалели». Раздался звонок у входной двери, и Данькин голос сказал:

- Это я, Анна Николаевна, я лекарство принёс...

Сказка о доброй Геране

Случилось это в давнее-давнее время. Пожалуй, не было в городе девочки добрее Гераны. Но на её долю выпала нелёгкая жизнь. Была она сиротой, жила у чужих людей, сама знала много горького и, наверное, потому научилась горячо отзываться на горе других.

Однажды в холодных пасмурный день, идя по окраинной улице, Герана встретила незнакомую девочку. Старое лямное платье её было порвано, на худенькой руке краснела ссадина. Она шла и плакала.

- Что с тобой? - бросилась к ней Герана. - О чём ты плачешь?

Как тебя зовут?

- Зовут меня Элина, - вытирая слёзы, ответила девочка. - Я хотела достать цветок для моей больной мамы, она так любит цветы. А вчера она сказала, что если бы на нашем окне стоял цветочек, она смотрела бы на него и думала о жизни, а не о смерти. Вот я и решила пойти к богатому садовнику и попросить один-единственный горшочек, ведь у него в оранжерее так много красивых цветов.

- Ну и что же? - взволнованно спросила Герана. - Неужели он не дал?

Девочка опять заплакала.

- Он так вытолкнул меня за дверь, что я упала с крыльца... вот руку зашибла, платье порвалось... как я теперь приду домой?

Герана крепко обняла Элину.

- Не плачь, не плачь, - утешала она её, а у самой сердце сжималось от жалости. - Мы пойдём вместе к твоей маме, я скажу, что ты упала на спуске с горы, она ничего не узнает.

Неприятной и мрачной была маленькая комната, где жила Элина с больной мамой.

- И правда, - подумала Герана, - радостнее и светлее стало бы здесь, если бы на окне стоял яркий пышный цветок.

Девочки рассказали придуманную историю, успокоили встревоженную женщину, а потом Герана старательно зашила порванное платье Элины.

Настал дождливый непроглядный вечер. Герана осталась ночевать у своих новых друзей. Но она не могла уснуть, всё думала о том, что, наверное, не одна мама Элины, а многие бедные люди были бы рады видеть на своих окнах красивые цветы. И тут ей пришло на ум, что прихотливые, изнеженные в теплицах растения, пожалуй, и не стали бы жить здесь. Сердце Гераны горячо забилося.

- Ах, как бы я хотела превратиться в такой цветок, - подумала она, - чтобы он веселил и радовал душу, не требуя для себя ничего особенного! Сколько радости я принесла бы бедным людям!

Ресницы Гераны опустились.. она почувствовала, будто её уносят куда-то мягкие, тёплые волны, тихо покачивая и лаская.

- Как сладко я засыпаю, - прошептала девочка, - ещё никогда мне не было так хорошо!

... А на утро, когда Элина и её мама проснулись, они не поверили своим глазам: на их маленьком подоконнике в скромном глиняном горшочке пламенел крупными шапками

цветов весёлый кустик. Он протягивал к ним свои зелёные листья, словно нежные ладони.

- Это подарок Гераны! - воскликнула Элина! - А её нет. Значит, она так рано ушла чтобы принести нам этот чудесный цветок.

- Ты знаешь, - сказала мама, не сводя глаз с лепестков, рдеющих в лучах солнца, - кажется, я лучше себя чувствую, мне как-то легче. Я даже попробую встать с постели, так хочется самой полить этот милый цветочек.

Почудилось им обоим или в награду, но при этих словах ещё ярче вспыхнули алые соцветия и тихо вздрогнули свежие, слегка пушистые листья.

А вскоре на многих окошках появились такие же зелёные, цветущие кустики. Ведь они легко и охотно прижимались, даже от маленького ростка, подаренного от души, и радовали людей, не требуя богатых оранжерей. Никто не знал, что в них продолжает биться доброе сердце Гераны, но в благодарность и в память о ней назвали этот любимый всеми цветок геранью.

Страшный сон: быль

Страшные сны снились Вовке редко, но, когда они подкрадывались к нему в темноте ночи, Вовка вздрагивал, бил маленькими кулачками по горячей подушке и громко плакал, не в силах ни убежать от свирепого великана, ни проснуться. Это делала за него мама. Она осторожно будила его, брала на руки, ласково расспрашивала. Потом убеждала Вовку, что никакому великану к ним не забраться: его сразу прогонит лохматый Рекс. Мама так смешно рассказывала, как злой великан будет убежать от Рекса, что Вовка начинал улыбаться, прижимаясь к ней, и засыпал уже спокойно. А мама долго сидела на кровати, покачивая его на коленях, и глаза у неё были добрые и грустные.

Папа не просыпался. Он всегда спал крепко и ничего не знал о великане.

И вдруг мамы не стало. Вовка никак не мог толком добиться ни от кого: где же мама? Соседка бабушка Дуня плакала, одевая его и уводя к каким-то дяде и тётке. Вовка их раньше никогда не видел, они ему не понравились. Тётя, очень толстая, со скучным лицом, говорила плаксивым голосом:

- Я не могу за ребёнком смотреть, у меня гипертония. И какие мы родственники... Пока жива была, даже не пришла прощения попросить, что без разрешения единственной тётки замуж пошла.. А теперь понадобились!

Дядя Вовке ещё больше не понравился, от него сильно пахло чем-то очень противным, отчего Вовке хотелось чихнуть, и говорил он как-то заикаясь, глаза были красные. Дядя тоже не обрадовался появлению Вовки.

-- Ер-рунда какая! - говорил он, пошатываясь и разводя руками. - Есть отец? Есть. Значит, должен воспитывать.

- Да Фёдор Осипович, ведь он же в командировку ехать должен, - пробовала убедить его бабушка Дуня, но тётя опять заныла: «У меня гипертония!» А дядя, махнув рукой, шатаясь, подошёл к столу, схватил бутылку и стал пить прямо из горлышка. Тётя подскочила к нему, закричала, но что было дальше, Вовка не видел: бабушка Дуня увела его обратно в их комнату, где больше не было мамы.

Теперь в детский сад отводил Вовку папа, неумело одевал его и всё вздыхал:

- Плохо нам с тобой, брат, ничего мы с тобой не умеем. Как-то мы дальше жить будем?

Это было в воскресенье — в солнечное хорошее воскресенье. В их комнату пришла тётя. Тётя Дора. Она была красивая, нарядная и от неё пахло не то цветами, не то конфетами. Волосы у неё были пышные, чёрные и глаза тоже чёрные, блестящие. Папа встретил её как-то смущённо и всё ерошил светлый чуб. А тётя сразу кинулась к Вовке, схватила его на руки, зацеловала, закружила. Вовке было неудобно и стало душно и невесело, хотя тётя всё смеялась и повторяла: «Мы будем друзьями с Вовиком, мне всегда нравились такие белоголовенькие мальчики, вот я ему и пирожное принесла».

Пирожное тоже пахло цветами и показалось Вовке невкусным, леденцы, что приносила ему мамам были вкуснее.

....Папа уезжал в командировку, Вовка плакал и просил его не ехать, но папа, укладывая в чемодан смятые рубашки, сумрачно говорил:

- Нельзя, брат, ничего не поделаешь, давно ехать следовало, я и так уж... - Он не договаривал и начинал утешать Вовку: - С тобой тётя Дора останется, она тебя любит.

И папа уехал. Тётя Дора была очень ласковая с Вовкой, но почитать ему о докторе Айболите не смогла, потому что к ней в гости пришли две тётки и весь вечер громко смеялись, называя тётю Дору молодой хозяйкой, и говорили, что она «оторвёт» замечательного мужика. Вовке стало скучно, скучно, и скука эта не проходила.

Завтра должен вернуться папа. Тётя Дора чисто убрала комнату, поставила на круглый стол букет цветов, потом куда-то надолго ушла и возвратилась в новом платье, с очень чёрными бровями и ресницами. А молока для Вовки она забыла купить, и пришлось ему пить чай, который он не любил. И булка была не любимая. Но тётя Дора торопилась уложить его спать и не обратила внимания на то, что он ничего не ел и не пил.

У неё в гостях опять были те же самые две тётки. Они разглядывали новое платье, над чем-то долго смеялись, потом одна стала петь про какой-то снегопад, и Вовка никак не мог уснуть.

В эту ночь к Вовке пришёл страшный сон. Ему снилось, что на него напал огромный рычащий медведь, он сверкал зелёными глазами и протягивал лохматые лапы с длинными острыми когтями.

Вовка проснулся от собственного крика, весь в поту, дрожащий. Он сел в кровати. В окно глядела полная луна, освещая белые стены комнаты, а в углу... что это? Конечно же, это большое тёмное пятно, притаившееся в углу, и есть тот медведь. Вот он стал на задние лапы, вот он идёт... сейчас хватит, сейчас...

Тётя Дора проснулась, когда Вовка вцепился в её плечо и, крича: «Медведь! Ой-ой! Медведь!», повалился на кровать.

- Что ты, Вовка? - зевая спросила она. - Медведь приснился? Ну ничего.

Но Вовка с ужасом показывал в угол, не в силах ничего сказать.

- Ну чего ты, дурачок, испугался? Это же пальто висит, - сонно засмеялась тётя Дора. - Ну, ложись, мне завтра рано вставать.

Через пять минут тётя Дора крепко спала, тихо похрапывая, а снова уложенный в свою кроватку Вовка, как мышонок, затаился, укрывшись с головой одеялом и сверху положив на себя подушку. Он думал, что так медведь не увидит его.

До самого утра лежал он так, а утром тётя Дора ахнула, приложив руку к его горящему лбу.

- Вот тебе, радуйся, заболел мальчишка! И с чего бы это?

Когда приехал папа, Вовка метался в жару, бредил медведем и звал маму.

... Они живут вдвоём — папа и Вовка. Не надо им никакой тётки Доры, не заменит она Вовке маму, как с горя надеялся папа. Кстати, он уже научился одевать сынишку, да и Вовка сам старается делать это. Может быть, когда-нибудь придёт в их комнату хорошая, по-настоящему ласковая женщина, с такими же добрыми глазами, какие были у мамы.

Ухожу: был

Павел бросил в чемодан смятые в комок рубашки и захлопнул крышку. Всё. Как-то странно было сознавать, что больше не придётся встречаться с Ниной украдкой, придумывая для жены разные оправдания — где был, отчего так запоздал. Впрочем, пожалуй, все эти выдуманные истории никогда и не обманывали Марину. Слушая их, она как-то смущённо молчала, не глядя на него, будто ей было стыдно за ложь Павла. Только с каждым днём

бледнее становилась Марина, да глаза её всё грустнели. Вон на большом портрете, что висит над диваном, эти глаза совсем не такие, там они, широко раскрытые, так радостно, доверчиво смотрят в их будущее, а вот теперь они видят, как её Павля (так называла она его раньше) уходит от неё. Павел резко отвернулся от портрета, подошёл к столу, положил на него короткую записку с беспощадным словом: ухожу.

Но внезапно оборвалась тишина — в комнату вбежал сынишка. Славка никогда не умел просто ходить: если ему надо было войти, он влетал в двери совсем как мяч, да и сам он был похож на весёлый мячик — такое кругленькое и румяное было у него личико, и светлая чёлочка, и весь он, славный четырёхлетний человечек. Славка с разбега налетел на новый блестящий чемодан, упал на четвереньки и восторженно закричал:

- Папа, ой, папка! Ты чемодан купил? Это мы к морю поедим? Да? Вот мамам рада будет!

Павел растерянно стоял посреди комнаты. И тут он вспомнил, что когда-то, ещё зимой, Славка тяжело болел корью, беспомощно метался в жару, всё просил пить, сбрасывая с себя одеяло, и плакал, что ему жарко. Павел утешал его рассказами о том, как они летом поедут к морю и будут купаться в синей-синей прохладной воде. Конечно, он давно забыл о своём обещании, а вот Славка помнит, всё время верит в слово отца и ждёт, ждёт поездки. Отец взял на руки сынишку, вот он рядом с ним, может быть, в последний раз... белобрысенький маленький кубарик. А ведь есть, значит, у него свои мысли, свои чувства, но как мало думал об этом он, отец, как мало, а то и совсем ничего не знает он о своём ребёнке, последнее время просто и не замечал его, разве до него было? Всё Нина затмила, заслонила своей колдовской улыбкой, властными чёрными глазами... Что уж тут тихая, грустная Марина, маленький Славка, их жизнь, мирок этой комнаты, который в прах рассыплется вместе со стуком захлопнувшейся за ним двери, когда он сейчас уйдёт отсюда.

Молча, долго смотрел Павел в большие голубые глаза своего мальчика. И вдруг... так неожиданно, как наваждение какое-то, так до боли ярко представилось ему: вот прошли, пролетели годы, измученный потерями, усталый, седой, он снова подходит к этой двери, из которой вышел, чтобы пить и пить жгучее счастье с красивой, случайно встретившейся на его пути женщиной. Но это счастье — зыбкое.

И вот он стучится в эту, такую знакомую дверь, но отворяет её не Марина, на всепрощение которой он мог бы надеяться, нет! - отводя её рукой в сторону, на пороге встанет подросший, возмужавший сын, вот эти глаза сурово, непримиримо взглянут на него, и... Сын не пропустит отца, предавшего их, он не простит, не сжалится, да и прав будет.

Павлу стало страшно, так ясно вдруг он увидел всё это. А Славка обхватил его шею ручонками и опять залепетал о море.

И случилось то, о чём ещё сегодня утром и помыслить не мог Павел — хрупкие, слабенькие ручонки сына оказались крепче и сильнее красивых, с лебединым изгибом рук женщины, которая сейчас ждёт его, чтобы отнять у этого малыша отца. А ведь для Павла будущее вот в этом голубоглазом мальчике, здесь — или счастье, или вечное одиночество.

Потом он поставил сынишку на пол, уже прямо и смело посмотрел в счастливые глаза девушки на портрете, в мелкие клочки разорвал записку и, точно сбросив с себя огромную тяжесть, позвал Славку.

- Пойдём-ка мамку с работы встречать, теперь уж скоро, наверное, придёт, а мы её встретим.

